

На следующий день снова была большая аудиенция. Одна мысль о физиономии императора вызывала у Цзян Суйчжоу отторжение. Наскоро позавтракав, он вышел из дома. Однако едва он вошел в ворота Чжэнян, как столкнулся с кем-то лицом к лицу.

— Какое совпадение, ваше высочество принц Цзин! — человек явно пытался изобразить некое подобие улыбки, но из-за природного уродства она превратилась в злоеший оскал, неспособный скрыть в глазах неприязнь и злобу.

Цзян Суйчжоу быстро окинул его взглядом. Перед ним стоял рослый мужчина лет тридцати-сорока в мундире военного чиновника четвертого ранга. Лицо его было необычайно смуглым, заросшим густой бородой, а круглые, выпученные глаза придавали ему сходство с Чжун Куем — усмирителем демонов.

Цзян Суйчжоу мельком глянул на его должностную табличку. Министерство обороны, отдел картографии, Цзи Хунчэн.

«А, так это он». В голове принца сразу все прояснилось. Этот господин Цзи был настолько безобразен, что сей факт удостоился отдельной строки в исторических хрониках. В «Истории Цзин» о нем прямо писали: «ликом уродлив», и теперь Цзян Суйчжоу видел — историки ничуть не преувеличивали.

В древности при сдаче государственных экзаменов учитывалась и внешность кандидата. Если бы этот господин решил пробиться во власть через науку, он бы не сдал экзамен и за всю жизнь. Своим постом он был обязан исключительно военной службе и покровительству прославленного генерала Лоу Юэ.

Цзян Суйчжоу мгновенно восстановил в памяти биографию этого человека. Его начальник, Лоу Юэ, был старым другом отца Хо Уцзю. Когда Северная Лян подняла войска, император Лин и Повелитель так боялись Лоу Юэ, что даже не рискнули отправить его на перехват армии Лян. Очевидно, дружба между ними была крепка, а значит, ярость Цзи Хунчэна, направленная на принца, на восемьдесят процентов была вызвана судьбой Хо Уцзю.

Поэтому Цзян Суйчжоу лишь холодно мазнул по нему взглядом и, не проронив ни слова, попытался обойти. Но Цзи Хунчэн последовал за ним.

— До меня доходили слухи, что ваше высочество — человек благородных правил, и теперь я вижу: так оно и есть, — пробасил он.

Цзян Суйчжоу даже не обернулся.

— В конце концов, — продолжал Цзи Хунчэн, — демонстрировать свою удаль перед немощным калекой в задних покоях — вот истинный облик благородного мужа, не так ли?

В его голосе клокотал гнев, который он, судя по всему, сдерживал долгое время. Видимо, еще с прошлой аудиенции этот человек затаил обиду и сегодня специально поджидал принца, чтобы высказать гадости. В бою он был отважен, но умом не блистал — и сейчас это подтверждалось. Хорошо еще, что на месте оригинального принца был нынешний «я», который и пальцем не тронул Хо Уцзю. Будь на его месте настоящий принц Цзин, после таких слов положение Хо Уцзю в поместье стало бы в разы тяжелее.

Цзян Суйчжоу остановился и спокойно посмотрел на него. Цзи Хунчэн уставился на него своими глазами-плошками, явно ожидая, что принц начнет оправдываться или ввяжется в яростный спор. Цзян Суйчжоу лишь тонко улыбнулся.

— Благодарю за заботу, господин Цзи, — произнес он. — Мои задние покои — это мое дело. Казнить ли мне там кого, миловать или же... предаваться утехам — вас это совершенно не касается. Вы согласны?

Глядя на то, как Цзи Хунчэн багровеет от ярости, не в силах вымолвить ни слова, Цзян Суйчжоу в прекрасном расположении духа зашагал прочь. Он понимал, что чиновник действует из добрых побуждений, переживая за Хо Уцзю, но не упустил возможности проучить его: пусть в следующий раз думает, прежде чем оказывать такую «медвежью услугу».

Вскоре он достиг зала Гуанъюань. Когда пришло время, ударили барабаны, и раздался зычный голос евнуха, возвещающий о начале. Снаружи царил торжественная атмосфера, в зале теснились сотни чиновников, но на возвышении было тихо — трон пустовал. Повелитель не явился.

Цзян Суйчжоу огляделся: придворные стояли неподвижно, привыкшие к подобному, и терпеливо ждали. Пришлось ждать и ему. Ожидание растянулось почти на час. Солнце уже стояло высоко, и у Цзян Суйчжоу от долгого стояния начало рябить в глазах, когда наконец ленивой походкой вошел император.

— О, вы все пришли так рано? — Цзян Шуньхэн развалился на троне и, позевывая, лениво обвел зал взглядом.

Цзян Суйчжоу отметил темные круги под его глазами и землистый цвет лица — классические признаки чрезмерного увлечения плотскими утехами. Министры безмолвствовали.

— Есть ли сегодня важные дела, дядя? — обратился император напрямик к Пан Шао.

Пан Шао, стоявший в первом ряду, с легкой улыбкой начал доклад. Оказалось, что по всем государственным вопросам он уже принял решения. Императору оставалось лишь кивать и отдавать распоряжения в соответствии с планом Пан Шао. Даже в вопросах выделения средств из Министерства финансов Цзян Шуньхэн не вникал в суммы, просто веля министру выдать деньги. Цзян Суйчжоу хмурился, записывая суть дел и в очередной раз убеждаясь: Южный Цзин обречен на гибель совершенно заслуженно.

Когда Пан Шао закончил, лишь пара-тройка чиновников осмелились выступить со своими докладами. Император выслушивал их наспех и тут же спрашивал совета у Пан Шао. В итоге все решалось так, как было выгодно временщику. Лишь к этому моменту Повелитель, казалось, окончательно проснулся и сел на троне чуть прямее.

— Я слышал на днях, что Пятый брат перевез генерала Хо в свой двор? — когда доклады иссякли, император снова лениво развалился на троне и задал вопрос.

«Опять за свое...» Цзян Суйчжоу вышел вперед и произнес заранее заготовленную речь:

— Этот человек вел себя неподобающе в задних покоях и посмел ранить других наложников. Поразмыслив, я решил держать его при себе под строгим надзором.

Император подался вперед, опираясь на ручки трона: — Но я также слышал, что с тех пор, как генерал Хо попал к тебе во двор, он ни разу не покидал твоей спальни?

Цзян Суйчжоу поднял взгляд и увидел, как в маленьких глазках императора загорелся

нездоровый огонек. В этом взгляде так и читалось слово «наложник». Принц, мысленно закатив глаза, покорно опустил голову и, прижав кулак к губам, неловко кашлянул. Он предпочел «подтвердить» догадки императора молчанием.

Император расплылся в довольной улыбке.

— Похоже, я не ошибся, выступив в роли свата? — воскликнул он. — Пятый брат, видать, очень доволен генералом Хо!

Подавляя отвращение, Цзян Суйчжоу поспешно подыграл:

— Вовсе не так... Он строптив и дик, я лишь использую некоторые средства, чтобы его укротить. Прошу брата-императора больше не упоминать об этом.

Император, уловив в его словах «нужный» подтекст, разразился хохотом.

— Хорошо, хорошо! О делах в твоей опочивальне я больше ни слова, — сказал он. — Однако через полмесяца мой день рождения. Пятый брат, у тебя в поместье нет официальной жены, так пусть эта «госпожа Хо» придет на пир вместе с тобой.

Цзян Суйчжоу стиснул зубы. «Опять». В прошлый раз, когда император требовал привести Хо Уцзю во дворец для обряда «визита к родне», Цзян Суйчжоу удалось отбиться. Но император не унимался — он явно вознамерился увидеть Хо Уцзю во дворце во что бы то ни стало. Принц лихорадочно соображал, как быть, и на мгновение замялся.

Заметив его замешательство, император решил, что тот снова стыдится своего положения, и с улыбкой добавил:

— Пятый брат, хоть я и отдал его тебе, не стоит так уж прятать его, словно золотое сокровище. В этот день все придут с семьями, а ты один — ну куда это годится?

Не давая принцу вставить и слова, император обернулся к временщику:

— Дядя, разве я не прав?

Пан Шао подхватил:

— Ваше Величество совершенно правы. Я слышал, два других наложника принца Цзина — один из борделя, другой из простолюдинов — люди не того круга, чтобы являться пред очи Вашего Величества.

Дуэт спелся, и император развеселился еще больше. Цзян Суйчжоу плотно сжал губы. Он понял: на этот раз не отвертеться.

— Повинуюсь воле Вашего Величества, — тихо произнес он.

— Вот это верно! — рассмеялся император. — Эх, Пятый брат, не пойму я, что же в мужчинах такого чудесного, что ты так прикипел!

Это было сказано вскользь, он не ждал ответа. Но Цзян Суйчжоу, задетый за живое, поднял взгляд и небрежно бросил:

— Всю прелесть этого Ваше Величество поймет, стоит лишь раз попробовать.

От этих слов император невольно оцепенел. Его взгляд скользнул по залу, полному мужчин. Одни старики да зрелые мужи, лица которых покрыты морщинами. А некоторые еще и на редкость уродливы — взять хотя бы верзилу Цзи Хунчэна, черного и огромного, который возвышался над толпой как привидение. Цзян Шуньхэн внезапно лишился дара речи, почувствовав, как к горлу подкатывает тошнота.

С воцарения Повелителя его ежегодные именины стали главным событием года в государстве Цзин. Пир должен был быть не только роскошным, но и предваряться церемониями небывалого размаха. Поэтому уже за полмесяца до срока Министерство ритуалов погрузилось в работу. Закончив дела в совете, Цзян Суйчжоу отправился в ведомство и не возвращался до глубокой ночи.

В поместье при свете мерцающих свечей перед Хо Уцзю на столе лежало приглашение. Его прислал чиновник по имени Чэнь Ти. Хо Уцзю его не помнил — скорее всего, тот был молод и невысок чином. Приглашение было написано от имени супруги Чэня: она звала «госпожу Хо» через месяц в свое поместье на «любование цветами».

Изящные иероглифы, написанные женской рукой «цзаньхуа сяокай», источали тонкий аромат — типичный атрибут светских дамских раутов.

(Цзаньхуа сяокай — это изящный стиль китайской каллиграфии, представляющий собой мелкий уставный шрифт (сяокай), вдохновленный древней традицией украшения волос цветами (цзаньхуа). Он характеризуется тонким, аккуратным, женственным и плавным почерком, часто используемым для переписывания сутр или создания миниатюрных текстов.)

Хо Уцзю не нужно было гадать: этот Чэнь Ти хотел выслужиться перед кем-то, выставив его на посмеище. И эти люди, как обычно, мастерски облекли свои гнусные намерения в пышную обертку. Они сделали вид, будто не знают, кто такой Хо Уцзю на самом деле, и относятся к нему как к «любимой госпоже» принца Цзина, написав доверительное письмо, приглашающее полюбоваться цветами.

Хо Уцзю понимал: как пленник, он обязан сносить любые унижения. Но запах благовоний, исходивший от бумаги, вызывал у него глухое раздражение. В этот момент вошел Сунь Юань. Убедившись, что Мэн Цяньшаня нет рядом, он поспешно сунул Хо Уцзю тонкий предмет. Снова письмо. На конверте не было имени, он был тщательно запечатан и подозрительно напоминал то послание, что принес Цзи Хунчэн.

«Всего несколько дней прошло, и снова секретное донесение?» Хо Уцзю вскрыл конверт.

Его глазам предстала строка, написанная размашистым, полным ярости почерком: «Принц Цзин бесстыден, он истинно не человек!»

Хо Уцзю замер. Гнев и раздражение, которые он только что подавлял, вдруг странным образом рассеялись. Уголки его губ даже едва заметно приподнялись. Он перевернул страницу. Ему вдруг стало невероятно любопытно: какие же «нечеловеческие» речи этот принц Цзин вел на сегодняшней аудиенции?

От автора: Хо Уцзю: «Ну-ка, поглядим, что моя женушка там снова про меня наплела». Цзи Хунчэн: «Принц Цзин бахвалился на весь дворец, что он в постели неутомим как дракон — мол,

семь раз за ночь, да так, что калека из Лян с кровати встать не может! :D» Хо Уцзю: «?»»

<http://bllate.org/book/16965/1579484>